

**«...Способен и достоин»:
Д. М. Княжевич в министерстве финансов
(1805 – 1837 гг.)**

Н. А. Разманова*

Аннотация. В статье на основе архивных документов (РГИА) воссоздана служба Д. М. Княжевича в министерстве финансов, неразрывно связанная с деятельностью выдающегося министра финансов Е. Ф. Канкрин. Показано, что служебный рост Д. М. Княжевича определялся его работоспособностью и достижениями в борьбе с контрабандой в Петербурге и Кронштадте, выявлении злоупотреблений чиновников, упорядочением казначейского делопроизводства. В статье уделено внимание участию Д. М. Княжевича в откупах, как форме предпринимательства в условиях крепостнического уклада России в первой половине XIX в.

Ключевые слова: Д. М. Княжевич; Е. Ф. Канкрин; министерство финансов; сельское хозяйство; борьба с контрабандой; злоупотребление властью.

**«Capable and worthy» :
D. M. Knyazhevich in the Ministry of Finance
(1805 – 1837)**

N. A. Razmanova

Abstract. In the article on the base of the archives (RSHA) there has been restored the story of service of D. M. Knyazhevich in Ministry of Finance, connected with the state activity of Minister of Finance E. F. Kankrin. It is proved that the career of D. M. Knyazhevich was determined by his ability for work and his successes in the struggle against contraband in the port of Petersburg and Kronstadt, revealing the abuses of official's power in province, regulating the functions of province Fiscal Chambers. In the article the participation of D. M. Knyazhevich in farming is analyzed as the aspect of business during the serfdom economics in Russia in XIX century.

Keywords: D. M. Knyazhevich; E. F. Kankrin; Ministry of Finance; province Fiscal Chambers; farming; struggle against contraband; the abuses of official's power.

В послужном списке российских чиновников XIX в. имела специальная графа «К продолжению статской службы способен, и к повышению чинами достоин или нет, и зачем?». В формуляре Дмитрия Максимовича Княжевича было вписано — «способ-

бен и достоин», и это не была формальная запись¹.

В работах, посвященных Д. М. Княжевичу, преимущественно говорится о нем как деятеле, внесшем определенный вклад в развитие российской культуры и образования². Приехав молодым

*Разманова Наталья Александровна — доктор исторических наук, профессор кафедры «Экономическая история» Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: ran5813@rambler.ru

¹РГИА. Ф. 733. Оп. 3, д. 42, л. 40б.

²Дмитрий Максимович Княжевич, основатель и первый президент Одесского общества истории и древностей // Русская старина. 1888. № 4. (Автором является Мария Дмитриевна Княжевич. Установлено по: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 1. М., 1958. С. 43.); Греч Н. И. Воспоминания о Дмитрии Максимовиче Княжевиче. СПб., 1860; Плетнев П. А. Отчет императорской Академии наук (отделение русского языка и словесности). СПб., 1852; Минаков И. Новороссийский календарь на 1860 г.; Юркевич В. Н. Исторический очерк пятидесятилетия имп. Общества истории и древностей 1839 – 1889. Одесса, 1889; Маркевич А. И. Двадцатипятилетие имп. Новороссийского университета. Одесса, 1890.

человеком на службу в Петербург, он быстро включился в литературную жизнь столицы: многие старшие чиновники Экспедиции о государственных доходах, где он служил, были литераторами. Уже в 1809–1810 гг. Д. Княжевич опубликовал свои первые литературные опыты в журнале «Цветник», издававшемся столоначальником Экспедиции о государственных доходах А. Е. Измайловым, посещал литературный кружок Д. И. Языкова. В 1810–1812 гг. он вместе с В. Л. Пушкиным, К. Н. Батюшковым, Д. Н. Блудовым, Д. В. Дашковым, С. П. Жихаревым вступил в полемику о русском языке на стороне карамзинистов против А. С. Шишкова и его приверженцев, был членом Общества любителей словесности. В 1822 и 1823 гг. вместе с братом А. М. Княжевичем издавал «Библиотеку для чтения», бывшую нарасхват у петербургской публики. В 1830-х гг. он продолжал сотрудничать с различными литературными изданиями, стал одним из авторов академического словаря русского языка. Эти работы явились основанием для избрания Д. М. Княжевича в феврале 1837 г. почетным членом Академии наук (второе отделение)³.

В 1837 году Д. М. Княжевич занял должность попечителя Одесского учебного округа — представителя министерства народного просвещения, назначаемого императором для общего руководства местной образовательной системой, центром которой, как правило, был университет. В Одесском учебном округе университет создан еще не был. Роль главного учебного заведения принадлежала Ришельевскому лицей, поэтому Д. М. Княжевич поставил цель приблизить организацию учебной работы и качество преподавания в лицее к университетскому уровню. В лицее были созданы кафедра сельского хозяйства и лесоводства, а затем камеральное отделение. Впервые камеральное отделение появилось в 1835 г. в Казанском университете по инициативе министерства финансов и министерства государственных имуществ для подготовки чи-

новников для управления государственным хозяйством, всей «финансовой частью». Камеральные отделения или факультеты имелись во всех университетах, кроме Московского, и являлись первой попыткой организации самостоятельной образовательной структуры финансово-экономического направления⁴. В связи с организационными изменениями в лицее началось преподавание политической экономии, сравнительной географии, русских древностей, геодезии, судебной медицины. В последний год своей жизни Д. М. Княжевич занимался разработкой устава будущего университета. В результате сформировался ряд предпосылок для преобразования в будущем Ришельевского лицея в Одессе в Новороссийский университет.

Не оставлял Д. М. Княжевич и просветительской деятельности. Он основал Одесское общество истории и древностей, участвовал в издании «Новороссийского календаря», «Одесского альманаха», «Листка общества сельского хозяйства южной России». В 1888 г. дочери Д. М. Княжевича учредили в Новороссийском университете две стипендии его имени⁵.

Гораздо меньше известно о службе Д. М. Княжевича в министерстве финансов, длившейся более тридцати лет, с 1805 по 1837 г.⁶. Цель настоящей статьи — воссоздать малоизвестную страницу его биографии, охарактеризовать его деятельность в министерстве финансов, в т. ч. на одном из ключевых постов — директора Департамента государственного казначейства.

Отец Д. М. Княжевича — Максим Дмитриевич — был выходцем из Кроаии (ныне Хорватия), где издавна жил сербский род Княжевичей. В 1773 г. он приехал в Россию, принял российское подданство и служил в кавалергардах в царствование Екатерины II. Сыновья Дмитрий и Александр наследовали от своего отца стать, по воспоминаниям современников, они были «красавцами до старости, высокие ростом и дородны»⁷. Мать — Елизавета Алексеевна, урожденная Руднева. Д. М. Кня-

³РГИА. Ф. 733. Оп. 3, д. 42, л. 12об.

⁴Указ. соч. С. 133–134; Разманова Н. А. Становление коммерческого и финансово-экономического образования в России (XIX–20-е годы XX века). М., 2002. С. 131–132.

⁵Павловский М. Дмитрий Максимович Княжевич. 1788–1844 // Русская старина. 1888. № 12. С. 769; Юркевич В. Н. Указ. соч. С. 43–44, 46.

⁶РГИА. Ф. 733. Оп. 3, д. 42, л. 4об.

⁷Голубев П. И. Записки петербургского чиновника старого времени П. И. Голубева // Русский архив. 1896. № 5. С. 55.

жевич был старшим сыном, он родился 25 апреля 1788 г. в Петербурге. После перехода отца на службу по гражданскому ведомству семья жила в Саратове, Уфе, Казани. В сентябре 1802 г. четырнадцатилетний Д. Княжевич, окончивший курс казанской гимназии, был записан в Экспедицию о государственных доходах канцеляристом, но приехал на службу в Петербург только через три года, в декабре 1805 г.⁸ Управляющим Экспедицией в это время был К. А. Лубьянович, а старшими советниками являлись А. И. Миллер и И. И. Розенберг. Службу в столице устроил, очевидно, отец, возглавлявший по-следние годы жизни казанскую казенную палату, казначейское отделение которой прямо подчинялось Экспедиции о государственных доходах. Впоследствии Д. М. Княжевич помог устроиться в Экспедицию о государственных доходах брату Александру, занимавшему в 1858–1862 гг. пост министра финансов Российской империи. Два других брата, как их отец, дослужились до поста председателя казенной палаты: Николай в Рязанской губернии, а Владислав — в Таврической.

Экспедиция о государственных доходах, где начал службу Д. М. Княжевич, являлась центральным финансовым органом, созданным в ходе губернской реформы Екатерины II. До 1821 года она функционировала параллельно с министерством финансов, учрежденным в 1802 г. Предметом ведения Экспедиции являлись государственные доходы и расходы. Основные направления ее деятельности состояли в сборе доходов, доставке наличных сумм на хранение в казначейства для остаточных сумм в Петербурге и Москве, взыскании недоимок, свидетельствовании и ревизии счетов, изготовлении гербовой бумаги и бланков паспортов (гербовый и паспортный сборы являлись доходными статьями государственного бюджета). Эти функции Экспедиции нередко давали основания именовать ее в официальных бумагах Экспедицией государственного казначейства⁹.

В 1812 году, через десять лет после зачисления на службу в Экспедицию о государственных доходах, двадцатичетырехлетний Д. М. Княжевич был назначен столоначальником. Для Д. М. Княжевича закончилась работа по переписыванию бумаг «четко, с правильным написанием букв, ровными строками и правильными переносами», без подчисток, «крепко нетерпимых, особенно в бумагах, заготовлявшихся к подписи министра» и сшиванию бумаг в дела. Перед ним открылось новое поприще. По воспоминаниям сослуживца, Д. М. Княжевич продемонстрировал энергичный характер, умение четко вести делопроизводство (именно это составляло смысл деятельности чиновников той эпохи), способность разрешать «самые многосложные предметы в нашей бюрократии»¹⁰.

С нашествием Наполеона в Россию число дел в Экспедиции о государственных доходах «умножилось чрезвычайно». Средства требовались не только на содержание армии, но организацию, вооружение и обмундирование ополченцев, обеспечение беженцев¹¹. С другой стороны, губернии, на территории которых разворачивались военные действия, прекратили присылку денег в казначейство для остаточных сумм в Петербурге, главная задача которого была аккумулировать наличность для дальнейшего целевого распределения сумм. Широко развернулась работа по эвакуации наличности из тех местностей, которым угрожали французы.

После изгнания неприятеля в 1813 г. необходимо было восстановить разоренные войной Смоленскую и Московскую губернии, которым было выделено 6 и 15 млн руб. соответственно. В Москве была создана строительная комиссия, первоначально получившая на возрождение старой столицы 5 млн руб., затем размер помощи достиг 12 млн руб. Движение таких колоссальных для того времени сумм, контроль над их целевым использованием осуществляла Экспедиция о государственных доходах. Чиновники отлучались после обеда из присутствия только с разреше-

⁸РГИА. Ф. 733. Оп. 3, д. 42, л. 4об.; Греч Н.И. Указ. соч. С. 4.

⁹Государственность России (конец XV в. – февраль 1917 г.): Словарь-справочник. Кн.4. М. 2001. С. 450–452.

¹⁰РГИА. Ф. 733. Оп. 3, д. 42, л. 4об.; Голубев П.И. Указ. соч. 1896. № 3. С. 423. № 5. С. 55.

¹¹РГИА. Ф. 557. Оп. 1, д. 588, л. 3 - 3об., 7; Д. 584, л. 2, 67 - 67об.

ния начальства. Война потребовала огромных расходов, которых «не только нельзя было предвидеть, но и трудно вообразить»¹². Большие суммы были направлены для организации похоронных команд, сжигавших тысячи тел павших воинов, трупов лошадей, т. к. весной 1813 г. возникла угроза эпидемий. Также в 1813–1816 гг. Экспедиция руководила операцией по выявлению и изъятию из обращения фальшивых ассигнаций, распространенных в России во время нашествия французов¹³.

В апреле 1814 г., когда боевые действия против Наполеона завершились в предместьях Парижа, Д. М. Княжевич в качестве бухгалтера был командирован в армию для работы в ликвидационной комиссии¹⁴. Российской империи предстояло рассчитаться с Австрией и двадцатью германскими государствами за продовольствие и другие поставки для русских войск. Генерал-интендантом русской армии был Е. Ф. Канкрин, под руководством которого работал Д. М. Княжевич и заслужил уважение и доверие своего осторожного и скрытного начальника. По делам службы Д. М. Княжевич побывал во Франкфурте-на-Майне и Праге. В Вене, куда съехалось большинство европейских монархов подводить итоги эпохи наполеоновских войн, он оставался с января 1815 г. до сентября 1820 г. За эту службу Д. М. Княжевич получил свои первые награды — памятную бронзовую медаль 1812 года и орден св. Станислава 4-ой степени¹⁵.

Вскоре после возвращения Д. М. Княжевича в Петербург в 1821 г. Экспедиция о государственных доходах была преобразована в Департамент государственного казначейства министерства финансов. Первым директором Департамента стал И. И. Розенберг. Д. М. Княжевич получил повышение — был назначен начальником распорядительного отделения¹⁶.

В 1810–1823 годах, в министерство Д. А. Гурьева государственный бюджет составлялся с дефицитом. За семь послевоенных лет он превысил 351 млн, а с учетом непокрытых расходов

за предыдущие годы составлял 452,5 млн руб. Еще до войны 1812 г. такие способы покрытия расходов, как повышение податей, внешние займы и позаимствования из казенных кредитных учреждений, оказались неэффективны. Война и преодоление ее последствий требовали огромных средств, а структура доходов оставалась прежней. Д. А. Гурьев неоднократно предлагал ограничить военные расходы, но Департамент государственной экономии Государственного совета отказался рассматривать его предложения, заметив, что «в России военное и мирное положение никогда с точностью не было различаемо». Заключение новых внешних займов привело к росту бюджетных расходов на обслуживание государственного долга с 9,4% в 1817 г. до 13,5% в 1822 г. Даже увеличение податей и восстановление казенной монополии на продажу вина не привело к увеличению поступлений в казну¹⁷.

Убедительнее всех политику Д. А. Гурьева критиковал Е. Ф. Канкрин, который и стал в апреле 1823 г. новым министром финансов. Вступив в должность, он начал с удаления из своего ведомства лиц, причастных к злоупотреблениям и казнокрадству, а на смену им назначал тех, кому доверял. Это сулило Д. М. Княжевичу большие перемены, но они оказались неожиданными. В марте 1824 г. по представлению министра финансов он был назначен на пост вице-губернатора Петербурга, и в декабре утвержден высочайшим указом. Первоначально эта должность означала ближайшего помощника губернатора, а с 1775 г. вице-губернаторами стали называться председатели казенных палат с подчинением непосредственно министру финансов и полномочиями второго лица в губернии¹⁸.

С приходом Е. Ф. Канкрина не только обновился состав министерства финансов, но и изменились приоритеты финансовой политики. Главной целью провозглашалось создание равновесных бюджетов путем радикального сокращения расходов и значительного роста

¹²Голубев П. И. Указ. соч. // Русский архив. № 3. С. 526; № 5. С. 53.

¹³РГИА. Ф. 557. Оп. 1, д. 651, л. 1, 4-4об, 20 20об, 21-21об.

¹⁴РГИА. Ф. 557. Оп. 1, д. 624. л. 3, 4.

¹⁵РГИА. Ф. 733. Оп. 3, д. 42, л. 5об.

¹⁶ПСЗ-1. Т. 37. № 28542; РГИА. Ф. 733. Оп. 3, д. 42, л. 6об.

¹⁷ПСЗ-1. Т. 31. № 28214; Министерство финансов. 1802–1902. Т. 1. СПб., 1902. С. 111.

¹⁸РГИА. Ф. 733. Оп. 3, д. 42, л. 6об, 7об.; ПСЗ-1. Т. 4. № 2218; Т. 5. № 3380.

доходов. В числе мер, направленных на увеличение поступлений, явилась реализация жесткого протекционистского тарифа 1822 г., который позволил увеличить пошлины с 27% стоимости импорта в 1820-х гг. до 45% в 1830-х гг. При этом ввоз неуклонно возрастал. Обратной стороной фискального успеха явился рост контрабанды, «лишающей казну справедливого дохода». Е. Ф. Канкрин объявил войну незаконному ввозу и недобросовестным чиновникам. По его инициативе развернулась коренная реорганизация таможенной стражи, в которой кроме военных служили вольнонаемные из местных жителей, сами нередко промышлявшие контрабандой. В этих условиях назначение Д. М. Княжевича не было случайным. Перед ним, как доверенным человеком, была поставлена задача — «вскрыть злоупотребления по таможенной части»¹⁹.

В 1824–1827 годах Д. М. Княжевич бывал в Петербургском порту и Кронштадте регулярно. В то время пограничных судов для охраны экономических интересов России на море было слишком мало, и задержать контрабанду можно было только на берегу. О службе Д. М. Княжевича тех лет сохранились воспоминания Н. И. Греча, близко его знавшего. На основании агентурных данных вице-губернатор в сопровождении должностных лиц и стражи осматривал корабль и, невзирая на уверения шкипера в отсутствии незаконного груза, приказывал взламывать двойные стены. На пол вываливались кружева и тюки тканей — полотно, бархат, шелк, тюль²⁰.

Через год Е. Ф. Канкрин поручил Д. М. Княжевичу еще и «наблюдение за открытием контрабанды в окрестностях столицы». Незаконный ввоз сократился, казна дополнительно получила около 9 млн руб. дохода. Министр финансов высоко оценил решительные действия петербургского вице-губернатора. В 1824 году Д. М. Княжевичу «из таможенных конфискованных сумм» была выплачена премия в 10 тыс. руб., а также пособие в 4 тыс. руб. Это было сделано на основании высочайшего указа, предписывавшего награждать

чиновников, которые боролись с контрабандой. Премияльный фонд формировался из штрафов за контрабанду и стоимости проданного конфиската, две трети этой суммы предназначались лицам, непосредственно задерживавшим контрабандистов. Для сравнения, директор Департамента государственного казначейства получал около 4,5 тыс. руб. годового жалованья, включая квартирные и столовые деньги. Кроме денежного вознаграждения последовало повышение в чине: в январе 1825 г. Д. М. Княжевичу был присвоен чин статского советника²¹.

К 1827 году реорганизация таможенной стражи завершилась и борьба с контрабандой утратила остроту. Департамент внешней торговли министерства финансов возглавил Д. Г. Бибиков, окончательно прекративший злоупотребления. Поэтому уже в январе Д. М. Княжевич получил новое предписание министра финансов в связи с восстановлением в 1827 г. винных откупов. Он был командирован в «пограничные места» Псковской, Лифляндской и Эстляндской губерний и в Дерптский порт (г. Тарту) «на предмет выявления кормчества», т.е. производства, транспортировки и продажи питей, помимо налогообложения. По-видимому, борьба Д. М. Княжевича с «самогонщиками» была успешной. В феврале 1827 г. он получил поощрение в виде персональной пенсии «по смерти» в размере 3 тыс. руб. в год сверх жалованья на основании высочайшего указа о формировании специального пенсионного фонда для чиновников, боровшихся с контрабандой и кормчеством. Д. М. Княжевич выявлял кормщиков недолго, откупщики получили право содержать корчемную стражу, и надзор правительственных чиновников стал ненужным.

Бороться с кормщиками Д. М. Княжевич был назначен не только потому, что пользовался доверием Е. Ф. Канкрин, но и потому, что знал дело «изнутри», о чем министр был осведомлен. Именно по представлению Е. Ф. Канкрин Д. М. Княжевич, занимавшийся поставками вина для казны, получил в 1824 г. пособие в связи с падением цен на рынке спиртного²².

¹⁹Хромов П. А. Очерки экономики докапиталистической России. М., 1988. С. 230; Кисловский Ю. Г. Контрабанда: История и современность. М., 1996. С. 47–48, 51; РГИА. Ф. 733. Оп. 3, д. 42, л. 70б.

²⁰Греч Н. И. Указ. соч. С. 9, 10.

²¹РГИА. Ф. 733. Оп. 3, д. 42, л. 70б – 80б; Кисловский Ю. Г. Указ. соч. С. 52.

Значительные премии Д. М. Княжевича позволили ему и А. М. Княжевичу включиться в откупные операции. Поскольку оба служили в министерстве финансов, они не могли непосредственно участвовать в торгах — раз в четыре года право собирать питейный налог в том или ином уезде продавалось на аукционе²³. Сразу после торгов откупщик вносил в казну третью часть суммы питейного налога, а две трети обязывался выплатить после реализации питей, которые он покупал в казенных магазинах — государственных оптовых складах. Оставшиеся две трети питейного налога рассматривались как ссуда, предоставленная правительством «содержателю питейных домов» под проценты. Обеспечением выполнения платежных обязательств являлись залогов, которые представлялись в казенную палату в виде денежных сумм, ценных бумаг — «банковых или ломбардных билетов», облигаций Комиссии погашения долгов или населенных поместий и каменных домов в столицах и губернских городах по правилам залогов Заемного банка²⁴. Откупщик, как правило, не имел средств для предоставления в казенную палату соответствующих залогов, поэтому он прибегал к ссуде под проценты. Залоги оформлялись в виде «верящих писем», имевших юридическую силу долговой расписки и бывших как именными, так и анонимными. Анонимные залогов в случае несостоятельности содержателя питейного дома спасти было невозможно, они немедленно продавались для покрытия недоимок. Те, кто предоставлял именные залогов, имели право перекупить содержание питейного дома и тем самым спасти залогов, но рисковали репутацией²⁵. В высших кругах общества и среди сановников содержание питейных домов рассматривалось как не совсем достойное занятие.

Д. М. и А. М. Княжевичи предоставляли петербургскому откупщику Фейгину залогов, в которых участвовали не только их собственные средства, но и средства доверявших им людей, но не желавших афишировать себя в

этих операциях. Более десяти лет братья «получали значительные прибыли». В 1839 году, когда Д. М. Княжевич уже служил по министерству народного просвещения, на Фейгине вскрылась недоимка в 1300 тыс. руб. ассигнациями, или почти 400 тыс. руб. серебром. Чтобы спасти свои и чужие деньги, Д. М. Княжевич в 1840 г. с помощью брата, бывшего тогда директором канцелярии министра финансов, взял откуп Фейгина на себя²⁶. После смерти Д. М. Княжевича в 1844 г. числившиеся за ним старые недоимки в 148 тыс. руб. перешли на его семью. А. М. Княжевич, занимавший к этому времени пост директора Департамента государственного казначейства, лично ездил к каждому из членов Комитета министров с просьбой списать 100 тыс. Свою роль сыграло ходатайство новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова. Солидарность сановников взяла вверх, большая часть долга была прощена. Став министром финансов, А. М. Княжевич в числе первых мер инициировал, несмотря на сопротивление откупщиков, подготовку налоговой реформы — отмену откупов и введение акцизной системы.

Участие в откупах Д. М. и А. М. Княжевичей, занимавших в 1830–1850-х гг. высшие посты в министерстве финансов, — случай не единичный. Чиновники нередко занимались предпринимательством, подтверждением чему служит обсуждение этого вопроса в Совете министра финансов и Комитете министров. В эпоху Николая I чиновникам не возбранялось участвовать в тех подрядах или откупах, которые не подлежали контролю ведомств, где они служили. В пореформенную эпоху эта практика расширилась: активно шло сращение чиновников высшего ранга с предпринимательским сообществом, особенно в акционерных обществах. Итогом споров, длившихся не одно десятилетие, стало решение товарища министра финансов С. А. Грейга: «...нельзя в виде общей меры воспретить лицам, находящимся на государственной службе, занимать с тем вместе должности в

²²РГИА. Ф. 733. Оп. 3, д. 42, л. 60б.

²³Захаров В. Н. История налогов в России. IX–начало XX в. / В. Н. Захаров, Ю. А. Петров, М. К. Шацилло. М., 2006. С. 155.

²⁴РГИА. Ф. 566. Оп. 22, д. 36, л. 28, 41об., 48.

²⁵РГИА. Ф. 566. Оп. 22, д. 36, л. 41 – 41об., 42, 40.

²⁶Судейкин В. Т. Александр Максимович Княжевич//Русская старина. 1892. № 11. С. 406–407.

частных обществах, ибо бывают случаи, что торговые или промышленные предприятия нуждаются в людях, с высокими», т. е. профессиональными, «познаниями»²⁷. Участие Д. М. Княжевича в откупках дает нам иллюстрацию к тем социально-экономическим процессам, которые в 1830–1850-х гг. развивались пока еще неявно, обогащает наше представление о чиновной среде, а также об особенностях предпринимательства во второй трети XIX в.

Выполнение Д. М. Княжевичем поручений Е. Ф. Канкрин по наполнению казны в 1820-х гг. способствовало его карьере. В феврале 1827 г. он был назначен вице-директором Департамента государственного казначейства и одновременно временно исполняющим должность директора Департамента государственных имуществ. В апреле 1830 г. им был получен чин действительного статского советника, затем последовало назначение директором канцелярии министра финансов²⁸. Д. М. Княжевич вошел в круг ближайших, самых доверенных чиновников министра финансов.

В июне 1831 г. во время эпидемии холеры в Петербурге умер Н. Р. Политковский, исполнявший должность директора Департамента государственного казначейства. Новым директором экстренно был назначен Д. М. Княжевич, а в октябре утвержден в должности высочайшим указом²⁹.

Первая половина 1830-х гг. была временем, когда министру финансов удавалось сдерживать рост расходов, упорядочить и за счет этого увеличить поступления в казну. Целый ряд лет составлялись равновесные бюджеты. Для решения самой сложной задачи — соотнесения расходов государства с доходами — Е. Ф. Канкрин создал несколько новых институтов, участвовавших в формировании росписи. В 1830 году по его предложению секретно заседавший Комитет финансов получил право решать, допускать тот или иной расход на указанный год или перенести его на следующий. Вводились ограничения на отпуск сверхсметных сумм только для «крайних случаев», но при этом оставались способы обойти новые правила,

т. к. критерия «обстоятельств, не терпящих отлагательства» не было выработано.

Министр финансов стремился максимально реализовывать принцип целевого использования средств и усилил контроль над исполнением бюджета, поэтому Государственный контроль стал требовать отчеты губернских казенных палат. Предварительная ревизия губернских счетов была возложена на Департамент государственного казначейства, возглавляемого Д. М. Княжевичем. В результате документооборот резко увеличился, т. к. «по третям» (ежеквартально) в Департамент стало поступать более 50 отчетов казенных палат. Они составлялись произвольно, разнились полнотой сведений, некоторые казенные палаты не присылали отчеты вообще по многу лет. Под руководством Д. М. Княжевича в Департаменте государственного казначейства были разработаны новые унифицированные виды кассовой отчетности, которые отличались по тому времени ясными и краткими формами, а многочисленные подробности, затруднявшие составление отчетов и их ревизию, на чем настаивал Государственный контроль, были исключены. Ближайшими помощниками Д. М. Княжевича в этой работе были начальники отделений Департамента М. М. Севринов и П. П. Янжул-Михайловский, бухгалтеры С. М. и А. М. Кобылины, впоследствии занимавшие должности начальников отделений и вице-директоров Департамента государственного казначейства³⁰.

Выработка новой отчетной документации и составление первого отчета для Государственного контроля в значительной степени была осуществлена самим директором Департамента государственного казначейства. Он не только упростил отчетность, но и сумел отстоять свою позицию в межведомственном споре между своим Департаментом и ведомством Государственного контроля. По воспоминаниям одного из сослуживцев, Д. М. Княжевич был «первым тружеником: бумагу, написанную не совсем ловко, он исправит, без всяких выговоров и замечаний делопроизводителю, но будучи от природы ... горяч,

²⁷РГИА. Ф. 560. Оп. 16, д. 582, л. 4.; Свод законов. Т. III. СПб., 1876. Ст. 529, 1789, 565; Уложение о наказаниях. Ст. 485, 486, 487, 488, 491.

²⁸РГИА. Ф. 733. Оп. 3, д. 42, л. 90б.; РГИА. Ф. 1349. Оп. 5, д. 2098, л. 42 об., 43об., 44 - 44об.

²⁹РГИА. Ф. 560. Оп. 14, д. 74, л. 1; Ф. 733. Оп. 3, д. 42, л. 100б.

³⁰Голубев П. И. Указ. соч. // Русский архив. № 5. С. 53, 54; РГИА. Ф. 1349. Оп. 5, д. 2258, л. 15; Оп. 4, д. 10, л. 14, 17.

он не мог владеть собою, если замечал в чиновнике нерадение»³¹. Строгое требование Д. М. Княжевича, чтобы каждый чиновник «старательно исполнял свои обязанности», его собственная высокая работоспособность привели к тому, что новые отчетные документы утвердились в практической деятельности казенных палат до середины 1860-х гг., когда с приходом эпохи великих реформ потребовалось создать новые формы казначейской отчетности.

В 1823 году для рассмотрения расходов министерств и ведомств Е. Ф. Канкрин создал еще одну инстанцию — высочайшую и в силу этого неоспариваемую. Николай I усилил контроль над составлением росписи и таким образом способствовал ограничению роста расходов в 1830-х гг. Император совместно с Е. Ф. Канкриным придирчиво изучал и вносил поправки в проекты ведомственных трат с «предварительными соображениями» об источниках их покрытия. Обязанность готовить для Николая I «еженедельную ведомость о чрезвычайных по государству расходах» была возложена на Департамент государственного казначейства. Эта работа чиновников была особенно напряженной, т. к. ошибки и подчистки в документах для высочайшего рассмотрения были недопустимы³². Также Департамент государственного казначейства, начиная с 1836 г., составлял счета по требованию образованных по инициативе Е. Ф. Канкрин секретных Особых комитетов для рассмотрения нормальных расходов государства.

В 1833 году в связи с десятилетием руководства Е. Ф. Канкриным министерством финансов для Николая I был подготовлен отчет. В нем в качестве важного достижения Департамента государственного казначейства отмечалось создание упрощенной отчетной документации для уездных казначейств и реализация ее на практике. Е. Ф. Канкрин докладывал императору: «Предмет особого беспокойства составляла запущенность сче-

тов в уездных казначействах, недостаток по доходам», который происходил, в т. ч. от «хищений больших сумм». В Департаменте государственного казначейства под руководством Д. М. Княжевича были «введены единообразные формы счетов», учреждены гербовые «нумерованные бланки квитанций для выдачи плательщикам с контррасписками в книгах», которые с этого времени подлежали ревизии в первую очередь. Кражи уездных казначеев, утаивавших платежи в свою пользу и приписывавших недоимки, прекратились³³.

Д. М. Княжевич, много боровшийся со злоупотреблениями и прямыми нарушениями закона в 1820-х гг., став директором Департамента государственного казначейства, продолжил эту деятельность. При нем были созданы «особые правила относительно частных денежных оборотов» уездных казначеев при покупке ими имений, которые были циркулярно распространены в провинции³⁴. Но как следует из анализа деятельности Департамента государственного казначейства в 1840–1850-х гг., они не исполнялись. Директора Департамента тех лет А. М. Княжевич и А. К. Ключарев неоднократно предпринимали меры для усиления контроля над казначеями³⁵. Тем не менее, у Е. Ф. Канкрин имелись основания рапортовать императору, что в середине 1830-х гг. уездные «казначейства приведены в порядок, так что похищения сумм случаются редко и в небольшом виде. Губернаторы довольны положением уездных казначейств»³⁶.

Министр финансов, характеризуя работу Департамента государственного казначейства в 1830-х гг., отмечал, что к его «важнейшим занятиям принадлежали военные издержки»³⁷. Сбалансированные росписи были хрупкими, их, по признанию Е. Ф. Канкрин, разрушали сверхсметные расходы военного и морского министерств. Ежегодно возникали небольшие дефициты, которые стараниями Е. Ф. Канкрин негласно проводились по особой росписи помимо официальной. Не афишируя дефи-

³¹Голубев П.И. Указ. соч. // Русский архив. № 5. С. 54.

³²Голубев П.И. Указ. соч. // Русский архив. № 5. С. 50.

³³РГИА. Ф. 560. Оп. 22, д. 70, л. 71, 72; Голубев П. И. Указ. соч.//Русский архив. № 5. С. 49.

³⁴РГИА. Ф. 560. Оп. 22, д. 70, л. 73.

³⁵РГИА. Ф. 560. Оп. 14, д. 200, л. 2 - 2об., 3 - 3об; Оп. 14, д. 245, л. 1 - 1об, 3; Оп. 14, д. 259, л. 2а - 2а об., 3 - 3об., 5об.

³⁶РГИА. Ф. 560. Оп. 22, д. 70, л. 73.

³⁷РГИА. Ф. 560. Оп. 22, д. 70, л. 90.

циты, Е. Ф. Канкрин создал до поры работавшую систему мер по борьбе с ними, к числу которых принадлежало учреждение «военного капитала на случай войны», аналога современных резервных и стабилизационных фондов. За 20 лет военный капитал предоставил государству на военные потребности примерно 650 млн руб., т. е. в среднем давал возможность покрывать дефицит от 30 до 33 млн руб. в год³⁸. В результате закрепилось сосуществование двух бюджетов — обыкновенного и чрезвычайного. О скрытых дефицитах и наличии чрезвычайного бюджета были осведомлены всего несколько человек в государстве: император, министр финансов и несколько чиновников его Секретной канцелярии. От Департамента государственного казначейства в «трудах по военным делам» участвовал вице-директор Департамента государственного казначейства В. С. Басин и начальник отделения П. И. Голубев³⁹.

Гласная часть работы по покрытию сверхсметных трат военного министерства также исполнялась Департаментом государственного казначейства. Задача состояла в «производстве расходов» по «особым бюджетам, непосредственно высочайшего утверждения удостоившихся, в коих издержки разделялись на непрменные и условные» без «остановки», а также в составлении отчетности и предоставлении соответствующей документации в Главное казначейство. Оно являлось главной кассой, из которой наличные суммы непосредственно доставлялись по назначению⁴⁰.

В сентябре 1835 г. Д. М. Княжевич обратился к министру финансов с предложением перестроить и расширить здание Главного казначейства, где не только хранились большие наличные суммы, но и производились выплаты пенсий, пособий и т. п. В дни выплат сотни посетителей толпились на улице, т. к. операционное помещение Главного казначейства не было приспособлено к принятию большо-

го числа клиентов⁴¹. Е. Ф. Канкрин дал свою санкцию, были отпущены средства, и работа началась. Она была рассчитана на полтора года и должна была завершиться к концу 1837 г.

В разгар всех этих дел — приведения в порядок уездных казначейств, составления очередных отчетов для Государственного контроля и Особых комитетов, развернувшегося строительства — в июле 1837 г. Д. М. Княжевич оставил должность директора Департамента государственного казначейства и высочайшим указом был переведен на должность попечителя Одесского учебного округа⁴². В 1830-х годах возрос уровень ответственности, а также объем работы, которая производилась в Департаменте государственного казначейства, но штат при этом оставался неизменным с 1821 г., когда Департамент был учрежден. Д. М. Княжевич «много и долго убеждал графа Канкрин уделить денежные средства Департамента», чтобы увеличить его штат. Е. Ф. Канкрин отказался, скорее всего, из соображений экономии⁴³. Отношения между ними оказались разорванными. В 1841 г., когда А. М. Княжевич получил предложение министра финансов занять вакантное место директора Департамента государственного казначейства, он «решился было порекомендовать на это место» своего старшего брата. Е. Ф. Канкрин явно уклонился, заявив, что «переписка требует много времени, а он торопится сделать назначение»⁴⁴. Очевидно, конфликт с Е. Ф. Канкриным был серьезным, и возвращение Д. М. Княжевича в министерство финансов было невозможно. В августе 1837 г. директором Департамента государственного казначейства был назначен А. Г. Кушелев-Безбородко. Одной из первых мер этого большого барина, владевшего 20,5 тыс. душ и никогда «никаких окладов жалованья» не получавшего, было требование увеличить штат Департамента, на что Е. Ф. Канкрин дал согласие⁴⁵.

³⁸Разманова Н. А. Структурно-институциональный кризис накануне реформы 19 февраля 1861 года // Великая крестьянская реформа 1861 года и ее влияние на развитие России. М., 2011. С. 60.

³⁹РГИА. Ф. 560. Оп. 22, д. 70, л. 90, 91, 94, 95; Ф. 1349. Оп. 4, д. 10, л. 2 - 2об.; Голубев П. И. Указ. соч. // Русский архив. № 5. С. 54.

⁴⁰РГИА. Ф. 560. Оп. 22, д. 70, л. 95 - 96, 97.

⁴¹РГИА. Ф. 560. Оп. 7, д. 696, л. 1 - 1об, 3об, 9об - 10.

⁴²РГИА. Ф. 733. Оп. 3, д. 42, л. 1.

⁴³Голубев П. И. Указ. соч. // Русский архив. № 5. С. 71.

⁴⁴Судейкин В. Т. Указ. соч. С. 412.

Д. М. Княжевич был одним из наиболее эффективных и работоспособных чиновников из ближнего круга министра финансов в 1820–1830-х гг. Когда состарившийся и тяжело болевший Е. Ф. Канкрин стал просить Николая I об отставке, стало ясно, что достойного преемника нет. Впоследствии директора Департамента государственного казначейства, как правило, становились товарищами министра финансов, а потом нередко занимали министерские должности.

Вся деятельность Д. М. Княжевича в министерстве финансов свидетельствовала о хороших перспективах развития его карьеры «по финансовой части», но этот шанс реализован не был. В 1844–1854 гг. во главе министерства финансов стояли Ф. П. Вронченко и П. Ф. Брок. Они не обладали соответствующим профессиональными качествами и в силу этого существенно усугубили состояние российских финансов накануне отмены крепостного права.

Литература:

1. Голубев, П. И. Записки петербургского чиновника старого времени П.И.Голубева / П. И. Голубев //Русский архив. – 1896. – № 5.
2. Государственность России (конец XV в.–февраль 1917 г.): словарь-справочник. – Кн.4. – М., 2001.
3. Греч, Н. И. Воспоминания о ДмитриииМаксимовиче Княжевиче / Н. И. Греч. – СПб., 1860.
4. Захаров, В. Н. История налогов в России. IX–начало XX в. / В. Н. Захаров, Ю. А. Петров, М. К. Шацилло. – М., 2006.
5. Кисловский, Ю. Г. Контрабанда: история и современность / Ю. Г. Кисловский. – М., 1996.
6. Маркевич, А. И. Двадцатипятилетиеимп. Новороссийского университета / А. И. Маркевич. – Одесса, 1890.
7. Масанов, И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей / И. Ф. Масанов. – Т. 1. – М., 1958.
8. Минаков, И. Новороссийский календарь на 1860 г. / И. Минаков.
9. Павловский, М. Дмитрий Максимович Княжевич. 1788–1844 / М. Павловский //Русская старина. – 1888. – № 12.
10. Плетнев, П. А. Отчет императорской Академии наук (отделение русского языка и словесности) / П. А. Плетнев. – СПб., 1852.
11. РСЗ-1. Т. 31, Т. 37.
12. Разманова, Н. А. Становление коммерческого и финансово-экономического образования в России (XIX–20-е годы XX века) / Н. А. Разманова. – М., 2002.
13. Разманова, Н. А. Структурно-институциональный кризис накануне реформы 19 февраля 1861 года / Н. А. Разманова//Великая крестьянская реформа 1861 года и ее влияние на развитие России. – М., 2011. –
14. РГИА. Ф. 557, Ф. 560, Ф. 566, Ф. 733, Ф. 1349.
15. Судейкин, В. Т. Александр Максимович Княжевич / В. Т. Судейкин //Русская старина. – 1892. – № 11.
16. Хромов, П. А. Очерки экономики докапиталистической России / П. А. Хромов. – М., 1988.
17. Юркевич, В. Н. Исторический очерк пятидесятилетия имп. Общества истории и древностей 1839 – 1889 / В. Н. Юркевич. – Одесса, 1889.

⁴⁵РГИА. Ф. 1349. Оп. 3, д. 1218, л. 58об., 54об.